

Советская археология. №1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
С56

С56 Советская археология. №1 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 332 с.

ISBN 978-5-458-42546-9

«Советская археология», журнал, издаваемый институтом археологии АН СССР. Выходит с 1957, является преемником одноимённых сборников, издававшихся в 1936—59 (в. 1—30). «Советская археология» публикует материалы о важнейших открытиях советских археологов, знакомит с археологическими работами за рубежом. В журнале помещаются статьи по различным проблемам археологии и древней истории, вопросам экономики, социального строя, идеологии, искусства древних и средневековых обществ, публикуются новые археологические материалы, критические обзоры советской и зарубежной литературы по археологии, рецензии, статьи по методике археологических исследований. Тираж (1975) 3,3 тыс. экз.

ISBN 978-5-458-42546-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Статьи

К. В. САЛЬНИКОВ

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В эпоху неолита Южный Урал входил в Урало-Казахстанскую этнокультурную область, о чем свидетельствуют, главным образом, находки керамики.

На заре бронзового века, в эпоху энеолита в горах, на севере и северо-востоке Южного Урала продолжали обитать потомки неолитического населения. В это время — в первой половине II тысячелетия до н. э. с юго-запада начали просачиваться группы полтавкинских племен, очевидно, немногочисленные. Керамика полтавкинского типа известна среди находок на поселениях в районе Стерлитамака, а под Магнитогорском исследован полтавкинский могильник.

В эпоху развитой бронзы — в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. — территория Южного Урала представляла собою контактную зону, где соседи, сталкивались, находились в сложных взаимоотношениях племена ряда археологических культур. С уверенностью можно говорить о следующих культурах: абашевской, срубной, андроновской, черкаскульской, курмантау. Памятники каждой из них на Южном Урале представляют собою окраины крупных, часто огромных общностей, распространенных на больших территориях. На Южном Урале племена перчисленных культур в одних случаях сменяли друг друга, в других — соседствовали, являлись синхронными.

Абашевские племена

В середине II тысячелетия до н. э., может быть в конце второй четверти, на территории Башкирии появляются абашевские поселения. Еще не накоплен достаточный материал для убедительного решения вопроса о происхождении абашевской культуры, но и сейчас видно, что в сложении ее участвовал ряд компонентов.

Среди последних важную роль играли, с одной стороны, какая-то ветвь племен среднеднепровского происхождения, с другой — комплекс культур аборигенного населения лесостепи и южной кромки леса на территории ограниченной нижним течением Оки, верховьями Дона и Горьковско-Куйбышевским отрезком Волги. На очерченной территории имеются памятники с элементами культур: среднеднепровской, фатьяновской, волосовской, балахнинской, уральского энеолита, особого варианта древнеямной, а также абашевской. Здесь и следует искать наиболее ранние абашевские памятники. Отсутствие среднеднепровско-фатьяновских памятников на Южном Урале не позволяет включить его территорию в район формирования абашевских племен. Но они рано проникли в Башкирию, где застали местные уральские энеолитические племена, а также продвинувшееся сюда с юго-запада редкое население полтавкинской куль-

туры. От первых в абашевскую керамику проникли некоторые несвойственные средневожским памятникам элементы орнамента. Полтавкинское влияние сказалось в приобретении абашевскими сосудами плоскодонности, а также в применении мелкозубчатого штампа для нанесения гребенчатого орнамента. Несколько позднее от андроновских племен воспринято было применение в орнаментации сосудов меандра.

Не должно выходить за пределы третьей четверти II тысячелетия до н. э. и время появления абашевских племен на восточном склоне Уральского хребта. Среди керамики Мало-Кизыльского селища большое место занимают ранние формы. Материалы этого памятника свидетельствуют об известной ассимиляции с аборигенным уральским населением, что сказалось в примеси местных форм и орнаменте керамики. Но абашевцы сохранили и свою керамику и такие важные этнические признаки, как традиционный костюм, отраженный металлическими украшениями, а также обряд погребения и жертвоприношения.

Абашевцы донесли чистоту своей культуры на восток до р. Тобола как это видно по погребению у Кургана. Оказавшись в Зауралье на территории, заселенной андроновскими племенами, малочисленные абашевские группы быстро стали растворяться в местной среде. В керамике курганов у с. Степного на р. Уй в Пластском районе Челябинской области, датирующихся третьей четвертью II тысячелетия до н. э., выразительно прослеживается смешение двух этнических элементов, иногда слияние на одном сосуде формы и орнамента обоих компонентов: абашевского и андроновского.

Попытаемся определить причины, заставившие абашевцев так широко расселиться. Еще часть их предков в конце III — начале II тысячелетия до н. э. двинулась из Поднепровья к востоку в результате развития скотоводства, которое привело к перенаселению. В поисках новых пастбищ они не могли расселяться по степи, которая была занята скотоводческими племенами катакомбной культуры. Вот почему племена среднеднепровско-фатьяновской общности оказались на южной кромке лесной и в лесостепной полосе центральной России, где обитали в то время еще охотничье-рыболовецкие племена поздненеолитического типа. В результате смешения пришельцев с частью последних в середине II тысячелетия до н. э. сложилась абашевская культура оседлых скотоводов и мотыжных земледельцев. Развитое скотоводство постоянно толкало абашевские племена на расширение территории обитания. На севере в Поволжье наравне с абашевцами продолжала жить та часть фатьяновско-балазовских скотоводческих племен, которые не приняли участия в формировании абашевской культуры; юг издавна был занят скотоводами. Поэтому абашевцы очень рано устремились к востоку, куда тянули их и месторождения меди. В Приуралье еще в первой половине II тысячелетия до н. э., до появления здесь абашевцев, уже проникли с юга ранние скотоводы полтавкинской культуры, но они расселились в основном южнее. Их следы почти не заходят к северу от Стерлитамака, в то время как абашевские памятники расположены, главным образом, севернее этой грани, где до абашевцев обитали мелкие племена охотников.

Продвигающиеся из Нижнего и Куйбышевского Поволжья срубные, очевидно, количественно значительные, родоплеменные группы еще в рамках третьей четверти II тысячелетия до н. э. достигли берегов р. Белой, потеснили абашевцев, заняли места их обитания, как это видно на примере селища Береговское I. Допустимо на протяжении некоторого времени сосуществование, близкое соседство пришлых групп срубной культуры с остатками абашевского населения.

Небольшие размеры абашевских поселений указывают на кратковременность обитания на них. Потесненные срубниками абашевцы, по всей видимости, к концу третьей четверти II тысячелетия до н. э. сосредоточились восточнее, в горах и на восточном склоне Урала, где отдельные их

группы уже ранее освоили слабо заселенную охотниками территорию. Развитая на базе местных, как показал спектральный анализ, месторождений Южного Зауралья медная металлургия со своеобразными типами изделий указывает на прочность освоения Урала абашевцами, хотя в горах пока мы и не знаем памятников этой культуры. Последнее является результатом слабой изученности археологами горной полосы Урала.

Урал явился как бы той гранью в истории абашевских племен, за которой чистота их культуры идет на убыль. Уже под Магнитогорском, на Мало-Кизыльском селище в материальной культуре обитателей сказывается сильная струя культуры местного коренного населения, с которым абашевцы начали смешиваться; но тут этот процесс зашел еще недалеко, и основные свои этнографические черты население Мало-Кизыльского селища сохранило. Окончательное затухание абашевской культуры протекало в степях Зауралья в окружении андроновских племен.

Срубные племена

На раннем этапе своего развития срубные племена представлены памятниками ямной культуры, сложившейся в III тысячелетии до н. э., которые на Южной Урале известны лишь в районе Бугуруслана и к югу от Оренбурга. На следующем, полтавкинском этапе (XX—XVII вв. до н. э.) они расселяются по югу Башкирии, в Зауралье достигают пределов Магнитогорска, чему способствовало дальнейшее изменение климата в сторону засушливости.

К XVI в. до н. э. с укреплением новых форм хозяйства — скотоводства и земледелия — и развитием металлургии складывается облик собственно срубной культуры или ее покровский этап (XVI—XIII вв. до н. э.). В это время в Предуралье срубные племена достигают низовьев р. Белой. Они постепенно вытесняют отсюда абашевское население.

В третьей четверти II тысячелетия до н. э. происходило не только продвижение срубников к северу и востоку, но и более активное проникновение на запад андроновских групп. На ряде селищ на западе Оренбургской области и юго-западе Башкирии к срубной керамике примешиваются обломки андроновских сосудов. Андроновские группы растворялись в родственной среде срубного населения. Несмотря на значительную андроновскую струю, срубная культура в Приуралье не потеряла своего лица: срубные элементы в культуре оставались преобладающими.

Очевидно, причины передвижения, расселения срубных и андроновских племен были одинаковыми. По мере разрастания на почве развитого скотоводства общин из них выделялись патриархальные семьи и уходили на новые земли, на новые пастбища. Эти передвижения не носили характер «великих переселений», а осуществлялись небольшими группами, которые занимали новые территории, где обитали немногочисленные охотничьи племена с культурой неолитического облика. Их редкое население в степях не препятствовало проникновению скотоводов. Большие просторы не могли приводить к враждебным столкновениям между срубниками и андроновцами.

Немалую роль, очевидно, играли и рудные богатства Южного Урала в деле привлечения сюда представителей той и другой культуры. Хотя разработка медных месторождений возникла рано, но наиболее интенсивная эксплуатация началась в алакульско-покровское время.

Как ни малым количеством изученных памятников срубной культуры Башкирии и Приуралья мы располагаем, все же можно уверенно говорить о различии исторических судеб срубного населения в отдельных частях этой территории. Намечается три района: северо-башкирский, южно-башкирский и оренбургский. Граница между двумя первыми протекает несколько южнее Уфы.

В северо-башкирском районе не наблюдается проникновение андроновских групп. Некоторые типы керамики связывают этот район не с югом, а юго-западом. Для могильников типичны многомогильные курганы. Все это позволяет предполагать, что продвижение сюда срубников шло из Среднего Заволжья.

Для южно-башкирского и оренбургского районов характерно влияние андроновской культуры. Здесь больше курганов с одиночными погребениями, нежели многомогильных, в чем, возможно, также сказалось андроновское влияние.

Оренбургский район теснее связан с Нижним Поволжьем, что выражается в присутствии в керамическом тесте примеси толченых раковин, в сопровождении погребений грудками костей коровы (черепа, ноги). Обе эти особенности не наблюдаются на территории Башкирии.

Последний этап срубной культуры — хвалынский — представлен валиковой керамикой, наравне с продолжающей бытовать посудой покровского этапа и медно-бронзовыми орудиями типа сосново-мазинскогоклада. Часть предметов этогоклада теперь датируется XII в. до н. э. Возникновение валиков на керамике ставится в связь с распространением медных сосудов и железных орудий, что также относится к XII—XI вв. до н. э. Отсюда начало хвалынского этапа, очевидно, можно отнести также к XII в. до н. э.

Хвалынские памятники имеются в южной полосе Приуралья и в Среднем Заволжье. На территории Башкирии их следы незначительны, но что местные племена прошли через этот этап доказывается находкой типично хвалынской валиковой керамики на селище Кумлекуль. История населения севера и центральных районов Башкирии в хвалынское время связана с племенами пришлых культур — черкаскульской и курмантау. До конца эпохи бронзы на этой территории сохраняется очень мало представителей срубной культуры.

В эпоху расцвета, на покровском этапе, срубная культура распространялась на севере до берегов Камы, представляя единый культурный массив с некоторыми локальными особенностями. Главнейшей из последних было осложнение самобытного развития значительными включениями на юге андроновских групп. К концу хвалынского этапа в Поволжье, Южном Приуралье и на юге Башкирии на этой почве, очевидно складывается новое этно-культурное образование срубно-андроновского происхождения, которое явилось основой сложения прано-язычных кочевых сарматских племен.

Население севера и центральных районов Башкирии претерпело в конце II тысячелетия до н. э. еще более существенные изменения. Сюдавливаются черкаскульские племена из Зауралья и племена культуры курмантау. Ассимилировав срубников, они на заре железного века положили начало финно-угорскому населению с ананьинско-караабызской оседлой культурой.

Андроновские племена

На широких просторах степной и лесостепной полосы Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири на некоторых памятниках группы родственных в культурно-этническом отношении племен в эпоху ранней бронзы уже появляется керамика с орнаментом, содержащим элементы будущих узоров андроновской посуды и кости домашних животных. С окончательным переходом к скотоводству, земледелию и металлургии в среде этих культурно-этнических групп сформировался ряд культур эпохи развитой бронзы: андроновская, черкаскульская, горбуновская, томская, сузгунская, ирменская.

Южные племена быстрее перешли на новые более прогрессивные формы хозяйства: скотоводство, земледелие. Степные просторы облегчали об-

щение родо-племенных групп и распространение достижений культуры на большой территории. В этих условиях сложилась та однородность в основных элементах культуры, которая так характерна для раннеандроновских племен от Минусинска до Урала.

По ряду второстепенных признаков андроновские памятники Зауралья разбиваются на несколько локальных групп, различия между которыми объясняются неодинаковыми природными условиями и влияниями со стороны соседей, а также хронологическими причинами. Выделяются четыре территориальных района памятников: орско-домбаровский, магнитогорский, уйско-увельский и челябинский. По внешним надмогильным конструкциям андроновские могильники Зауралья разбиваются на три группы.

Могильники первой группы характеризуются различными видами надмогильных сооружений с обязательным участием в их устройстве камня. Таковы: бескурганные каменные оградки; земляные курганы с оградкой из камней у основания или под насышью; земляные курганы, обложенные по поверхности камнем, а также подкурганные погребения с перекрытием могил каменными плитами. Чисто земляные курганы в этих могильниках не наблюдаются. Первая группа могильников типична для юга Зауралья. Севернее р. Уя они неизвестны. Для них характерно трупоположение на боку, головой к западу и юго-западу и керамика кожумбердынского типа.

Могильники второй группы включают, наравне с сооружениями из камня, чисто земляные курганы. Они распространены в уйско-увельском и челябинском районах, содержат трупосожжения, датирующиеся федоровским временем.

Третья группа могильников, состоящих только из земляных курганов, распространена в магнитогорском районе, а также чересполосно с памятниками второй группы в уйско-увельском и челябинском. В уйско-увельском районе они содержат трупоположения с алакульской керамикой. Под Челябинском, наравне с подобными могильниками, имеются земляные курганы с трупосожжением федоровского этапа. Для магнитогорского района характерны многомогильные курганы с трупоположением на левом боку головой к северу, датирующиеся керамикой кожумбердынского и срубного типа.

Причин, вызвавших значительную пестроту в погребальных обрядах, несколько. Нельзя не видеть, что камнем широко пользовались для укрепления стенок могил и устройства надмогильных сооружений в степной местности, где дерево было сложнее добыть, нежели камень. Бесспорны и хронологические различия: сожжение применялось на федоровском этапе, трупоположение — на алакульском. Южное Зауралье представляло собою контактную срубно-андоновскую зону. В таких элементах погребального обряда, как северная ориентировка, многомогильность курганов, в ряде случаев применение чисто земляных курганов — проявляется влияние срубной культуры.

В территорию, где происходило сложение андроновской культуры, входила северная часть Южного Зауралья. Наиболее ранние андроновские памятники, относящиеся к федоровскому этапу (XVII—XV вв. до н. э.) расположены в районе Челябинска и на р. Увельке. Трупосожжение федоровских могильников, очевидно, генетически связано с обрядом неолитических племен, оставивших погребения в пещерах на р. Юрюзань и в Томском могильнике.

В первой половине II тысячелетия до н. э. в Южном Зауралье соседили представители двух этно-культурных массивов: раннеандоновского (федоровского), занимавшего северную часть этой территории и срубно-полтавкинского, памятники которого открыты южнее.

Развитие скотоводства приводит к концу федоровского этапа к сегментации древних общин, которая усиливается на следующем, алакульском этапе (XV—XIII вв. до н. э.). Андроновское население появляется на юго-востоке Южного Зауралья, в районах Орска-Актюбинска и Магнито-

горска, где до того, с начала II тысячелетия до н. э., обитали полтавкинские общины.

В последнем районе в алакульское время протекал сложный процесс: с одной стороны, население западного происхождения завершало переход с полтавкинского этапа на собственно срубный, покровский, а с другой — оно смешивалось с андроновскими группами. Это смешанное население оставило могильники, в погребальном обряде и инвентаре которых переплетаются черты свойственные как срубной, так и андроновской культуре.

В несколько иной форме подобный процесс протекал и в орско-домбаровском районе. Здесь слабее сказались черты срубной культуры, ориентировка погребенных имеет андроновский тип — головой к западу и юго-западу, а не срубный — к северу, как под Магнитогорском. Поскольку андроновских памятников федоровского этапа в орско-домбаровском районе нет, полтавкинско-срубное население в этом районе в середине II тысячелетия до н. э. заменяется андроновским, находившемся на алакульском этапе, и очевидно, пришлым. Оно принесло сюда андроновского типа материальную культуру и погребальный обряд, но антропологический состав не во всех могильниках представлен андроновским типом: в могильнике Тасты-Бутак I были захоронены люди средиземноморского антропологического типа, характерного для срубных племен Поволжья.

На это время падают активные передвижения родо-племенных групп: андроновских на запад, срубных на восток. Но более подвижными оказались первые. Они проникли в среду срубного населения вплоть до Волги, а частично и далее на запад, занесли сюда обряд трупосожжения. В Южном Приуралье сформировалось срубно-андоновское смешанное население (Погромное, Кошкара, Давлеканово), подобно тазабагыбскому в Хорезме.

На последнем — замараевском этапе (XII — начало VIII в. до н. э.) развития андроновской культуры происходят крупные изменения в материальной культуре, хозяйстве и общественном строе.

Рост населения потребовал новых усовершенствований в земледелии и строительстве. Для расширения пашни путем расчистки участков поймы из под кустарника пользовались косарями-секачами сосново-мазинского типа. Весьма вероятно возникновение в это время более прогрессивной формы скотоводства — яйлажного, позволившего осваивать и отдаленные от поселений пастбища. На смену многокурганным могильникам, расположенным поблизости от поселений, приходят курганы-одиночки, удаленные от зимников, связанные, очевидно, с летними пастбищами.

Замараевский тип представляет собою переходную эпоху от оседлого многовекового быта племен бронзового века к кочевничеству эпохи железа, что проявляется во всем — от типа керамики до погребального обряда.

Дальнейшее развитие потомков андроновцев в эпоху раннего железа протекало в разных формах. В степных районах происходит окончательный переход к кочевому скотоводству. В сарматских курганах сохраняется каменная выкладка вокруг могилы, пиротная ориентировка погребенных, близость черепов к андроновскому типу. В лесостепной полосе потомки андроновцев в эпоху железа сохранили оседлый или полuosедлый образ жизни. Возможно, далекими отголосками андроновских трупосожжений являются лесостепные погребения сарматского времени с сильно обожженными костями.

Племена культур черкаскульской и курмантау

История населения северной полосы Южного Урала в конце II — начале I тысячелетия до н. э. связана с племенами черкаскульской культуры и культуры курмантау, изучение которых только начинается.

Сложение племен черкаскульской культуры происходило в середине II тысячелетия до н. э., на севере лесостепного и прилегающей части лес-

ного Зауралья. Материальная культура, в особенности керамика, на раннем этапе (черкаскульском) этих племен была весьма близка к андроновской федоровского этапа, что объясняется генетической зависимостью обеих от единого этно-культурного Урало-Казахстанского массива энеолитической эпохи.

На втором этапе — межовском (XII—XI вв. до н. э.) для черкаскульской керамики, наравне с рядом самобытных черт, характерны валики, близкие к замараевским. В это время черкаскульские группы проникают на запад, в Приуралье, на территорию северной Башкирии и Нижнего Прикамья. На третьем — березовском этапе (X—VIII вв. до н. э.) керамика приближается к бомбовидным сосудам эпохи раннего железа. Памятники березовского этапа известны на юге лесного Зауралья. В Предуралье в это время распространяются поселения племен курмантау, проникших сюда в среду черкаскульско-межовских племен. Их истоки остаются неясными. В керамике культуры курмантау сохраняются некоторые черты, указывающие на генетическую связь с абашевской культурой. Но эта связь не могла осуществляться на территории Башкирии. Здесь культуре курмантау предшествуют не абашевская, а срубная и черкаскульская. Сложение племен курмантау происходит где-то вне Башкирии. С одной стороны у них есть общие черты в позднеприказанских и ерзовских памятниках Прикамья, с другой — флажковая керамика курмантау перекликается с флажково-жемчужной керамикой лесостепного Зауралья, где она встречается в верхних горизонтах поселений эпохи бронзы, залегающих выше межовского слоя.

Культура курмантау, вместе с рядом синхронных культур Прикамья и Приказанского Поволжья, входит в этно-культурную общность предананьинского времени, является одним из основных компонентов формирования ананьинской культуры. При ее посредстве входят в ананьинскую культуру некоторые черты абашевской.

* *
*

На протяжении бронзовой эпохи на Южном Урале местные и пришлые племена осваивали разработку месторождений медных руд, совершенствовали формы металлических орудий, методы скотоводства и обработки земли. Развитие хозяйства содействовало размножению племен, которые принуждены были в поисках новых земель расширять свою территорию. В процессе расселения происходили столкновения с соседями, которые или вытеснялись, или ассимилировались.

В конечном результате на заре железного века завершилось сложение двух основных этно-культурных общностей; группы финноугороязычных оседлых племен на севере и ираноязычных кочевых на юге, которые являются важными компонентами формирования предков ряда современных народов Приуралья.

И. К. СВЕШНИКОВ

О СИМВОЛИКЕ ВЕЩЕЙ МИХАЛКОВСКИХ КЛАДОВ

Вопросы религиозных верований первобытных обществ являются наименее освещенными в археологии. Их изучение помогло бы выяснить ряд сложных проблем, в том числе проследить древние связи между отдельными странами и выделить группы племен, объединенных общими верованиями, мифами, традициями и обычаями. Настоящая статья является первой попыткой осветить в общих чертах некоторые идеологические представления племен культуры фракийского гальштата на основании материалов двух золотых Михалковских кладов — памятников, как нам представляется, главным образом культового назначения.

Публикации золотых кладов, найденных в 1878 и 1896 гг. у с. Михалков Борщевского района Тернопольской области, было посвящено несколько статей¹, освобождающих нас от обязанности нового подробного описания этих находок. Оба клада были найдены на небольшом расстоянии друг от друга и по характеру входивших в их состав вещей составляют один памятник. Типы отдельных золотых украшений и наличие в одном из кладов пастовых бусин с желтыми «глазками» позволяют отнести дату захоронения кладов к середине VII в. до н. э., а обломки сосуда, в котором был зарыт второй Михалковский клад, увязывают эту находку с памятниками голиградского типа (т. е. культурой фракийского гальштата)². Основная часть Михалковских кладов была куплена музеем Дзедушицких во Львове. Некоторое количество вещей попало в частные руки, а также в музеи Вены, Будапешта и Берлина, где часть из них потеряла свой научный паспорт. Основанием для нашего описания послужили хранящиеся во Львовском историческом музее гальванокпии предметов, составлявших собственность музея Дзедушицких³, упомянутые выше публикации В. Пшибыславского и К. Гадачека, а также имеющаяся в нашем распоряжении фотография оригинала. Известно, что в состав Михалковских кладов входили две фрагментированные диадемы, шейная гривна, пять браслетов, фрагменты поручей, 12 фибул, семь блях, две пастовых, одна стеклянная, одна янтарная и свыше 2000 золотых бусин, пирамидальная подвеска, два навершия рукояток кинжалов, четыре чаши, моток проволоки и слиток золота. О предметах, попавших в частные руки, сведений почти не имеется.

¹ W. Przybysławski. Dwa złote skarby w Michałkowie. «Teka Konserwatorska», II, Lwów, 1900; его же. Mitteilungen der k. k. Central-Kommission, XXIV, Wien, 1898; K. Hadaczek. Złote skarby Michałkowskie. Kraków, 1904; M. Sokołowski. Dwa złote skarby w Vettesfelden w Dolnych Łużycach i w Michałkowie w wsch. Galicji. PP, 19, Kraków, 1884; W. Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1928, табл. XXX, 1—6; L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski Południowo-Wschodniej. Lwów, 1939, табл. XXI; M. Gimbutas. The treasure of Michalkov. «Archaeology», 12, 2, New York, 1959.

² И. К. Свешников. Пам'ятки голиградського типу на Західному Поділлі. МДАПВ, 5, 1964.

³ Местонахождение оригиналов в настоящее время неизвестно.

Рассмотрение символики вещей Михалковских кладов следует начать с орнамента диадем. Они изготовлены из тонкого листового золота и, вероятно, были нашиты на головной убор из ткани, кожи или меха. Лучшее сохранившийся экземпляр состоит из восьми фрагментов прямоугольной полосы шириной 5 см, завершенной фигурным орнаментом 3,5 см высотой (рис. 1, 1). По подсчету К. Гадачека длина полосы диадемы равнялась 67 см. От второй диадемы сохранились только фрагменты полосы шириной 4 см и общей длиной 24 см.

Символический характер орнамента диадем не вызывает сомнения. Возвышающиеся над полосой первой диадемы изображения полумесяца на высокой украшенной поперечным рифлением подставке совершенно ясно отображают культ луны, широко распространенный у некоторых древних народов наряду с солнечным культом. Внимания заслуживает то обстоятельство, что на диадеме из Михалкова полумесяцы представлены в горизонтальном порядке, т. е. не в естественном положении луны на небе, а с известной условностью, характерной для подобных изображений Древнего Востока. Аналогичное положение полумесяца встречаем на ассирийско-вавилонских цилиндрах с изображением лунного божества⁴, причем на одном из них идол этого божества в виде лежащего полумесяца представлен на высокой, орнаментированной поперечными полосами и вертикальными линиями сужающейся кверху подставке, очень напоминающей подставки полумесяцев на нашей диадеме (рис. 2, 2)⁵. Горизонтальное положение полумесяца на высоком постаменте было также символом карфагенской богини Танит⁶. Интересно, что в некоторых кладах конца бронзового века из Трансильвании сотнями встречаются детали конской сбруи — подвески в виде лежащего полумесяца на длинной гофрированной трубке, очень близкие по своему типу к описанному мотиву орнамента Михалковской диадемы⁷.

Второй мотив орнамента по верхнему краю диадемы — изображение равностороннего креста как символа огня и солнца известен в ряде древних культур, начиная с энеолита⁸. В начале железного века в Карпато-Дунайском районе, на Балканском полуострове и на Кавказе получает широкое распространение изображение солярного знака в виде равностороннего креста (часто с расширяющимися концами сторон) с кругом в центре и одной или двумя концентрическими линиями. Наиболее древние подобные изображения находим в культурах Вавилонии, Ассирии и Финикии, послуживших, видимо, источником распространения указанного типа солярного знака по всему Средиземноморью⁹. Из огромного количества средиземноморских изображений солнца в виде равностороннего креста с кругом в центре можно в качестве примера ограничиться перечислением нескольких. Равносторонний крест как подвеска на шее царя или амулет на царской шейной гривне встречается в ассирийских древностях¹⁰. Этот знак изображен на большинстве глиняных пряслиц из

⁴ W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1909—1915, IV, рис. на стр. 903—906, 917—920.

⁵ Б. А. Тураев. История Древнего Востока. II, Л., 1936, рис. на стр. 84.

⁶ G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire d'art dans l'antiquité. IV, Paris, 1887, рис. 150.

⁷ М. Русу. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании. «Dacia», IV, 1960, стр. 175, рис. 4, 4; J. Hampe. A bronzkor emlékei Magyarhonban. I, Budapest, 1886, табл. XCIII, 5, 6.

⁸ K. Bólsunowski. Symbolika epoki neolitu. Kijów, 1910, стр. 12; M. Hoesner, O. Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien, 1925, рис. 1, 2, 3; Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, № 1, рис. 6, 1; 7, 3—5, 23; 8, 4—6; 9, 2—6, 9, 10.

⁹ A. Jarmias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1913, стр. 96—99, рис. 58—70.

¹⁰ G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., II, 1884, рис. 306, 429.

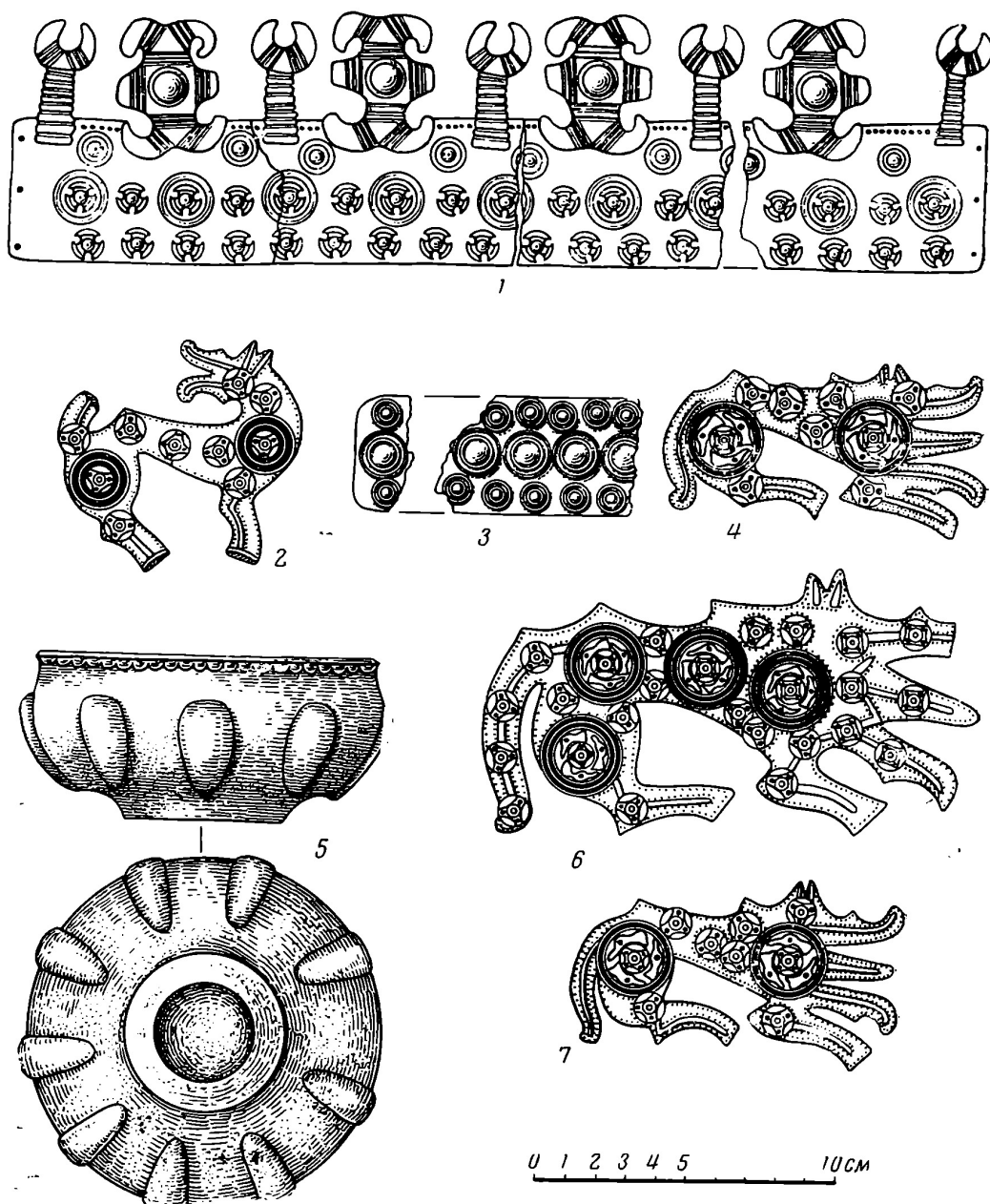

Рис. 1. Золотые вещи из Михалковских кладов
1, 3 — фрагменты диадем; 2, 4, 6, 7 — зооморфные фибулы; 5 — чаша

нижних слоев Трои¹¹. Там же нередко встречаем крестообразное расположение изображений солнечного диска с окружающими его лучами¹². Мотив равностороннего креста широко распространен также на Крите¹³ и в Микенах¹⁴. Равносторонние кресты с расширенными концами украшают золотую диадему и ожерелье египетских царей Хнумет (XII династия, XX в. до н. э.) и Яххотеп (XVII династия, XVI в. до н. э.)¹⁵.

¹¹ H. Schliemann. Atlas trojanischer Altertümer. Leipzig, 1874, рис. 1—9, 20, 25, 27, 31, 32, 38, 40, 45.

¹² Там же, рис. 280.

¹³ E. Kunze. Kretische Bronzereliefs. Stuttgart, 1931, рис. 14; R. Dussaud. Les civilisations prehelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris., 1914, рис. 21.

¹⁴ G. Perrot et Ch. Chipiez. Ук. соч., VI, 1894, рис. 300; R. Dussaud. Ук. соч., рис. 111.

¹⁵ G. Maspero. L'archéologie égyptienne. Paris, 1907, рис. 315, 322.